

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА И КАПИТАЛИЗМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

Н. Н. Федотова

*Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел России*

Поступила в редакцию 21 декабря 2016 г.

Аннотация: в статье обсуждаются динамика капитализма в национальных государствах, связанная с изменением процесса глобализации и конкуренцией национальных интересов. Рассмотрены новые трудности и проблемы глобализации, усилившие роль национальных государств в экономической политике сегодня.

Ключевые слова: первая глобализация, вторая глобализация, национальное государство, глобальный капитализм.

Abstract: the author discusses nation-state's dynamics of capitalism resulting from transformation of the globalization processes and competition of national interests. New difficulties and recent challenges posed by globalization enhance the role of nation-states in development and advancement of economic policy.

Key words: first globalization, second globalization, nation state, global capitalism.

История глобализации включает два этапа, на каждом из которых состоялась попытка предоставить максимальные возможности глобальным экономическим связям, снимая максимальное количество препятствий при их осуществлении.

Первая и вторая глобализации: точки зрения

Первая глобализация состоялась как свободная торговля с 1885 по 1914 г. Тогда исчез таможенный протекционизм, товары и капиталы получили свободное распространение по миру, не облагаясь налогами. Запад показал свою заинтересованность не только во внутреннем рынке отдельных стран, но и в глобальном капитализме, охватывающем значительную часть мира. Эта глобализация была оборвана Первой мировой войной. Американский исследователь Дж. А. Фриеден так описывает первую глобализацию в своей книге, посвященной глобальному капитализму: «Политическая сила была ключом к триумфу экономической открытости. Несомненно, открытость способствовала интеллектуальной последовательности, макроэкономической стабильности и технологическому продвижению, но ее реальным источником была политическая власть тех, кто имел выгоды от этого. Свободные торговцы преобладали в местных политических баталиях, позволяя международной торговле

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Социально-философский анализ современного российского капитализма» № 15-03-00580.

расти много быстрее в производстве продукции, и страна за страной приспособлялись производить на экспорт и потреблять импорт. Накануне Первой мировой войны мировая торговля была примерно вдвое более значимой для мировой экономики как за сорок лет до того» [1, р. 43].

Вторая глобализация наступила после исчезновения СССР, открывшего прежде закрытые для товаров и капиталов территории социалистических стран, куда западные товары и капиталы поступали не в массовом порядке. После распада социалистической системы не осталось территорий, закрытых для товаров, капиталов и людей, покупающих, торгующих и едущих по миру. «Производить на экспорт и потреблять импорт» стало возможно почти повсюду. Пустые или полупустые полки магазинов бывших социалистических стран заполнялись импортом, как продуктами, так и одеждой, позже машинами и пр. Многие инженеры, врачи и другие специалисты занимались челноничеством, часто покинув свои профессии. Однако многие научные статьи российских журналов этого периода не видели в этом процессе ничего проблемного, даже при всем развале национального производства, воспринимая глобализацию постсоветского этапа как выход из изоляции, время творческих возможностей, способов заработать. Но главными для многих российских людей, включая ученых, стали выход из изоляции, идея всемирной открытости, культурного знакомства с другими народами, мечта о сближении человечества. В этот период культурные различия и специфика разных обществ не казались столь важными и заметными, как это случилось потом.

В российской литературе проблемы глобализации были исследованы не только кругом романтиков, видевших в глобализации едва ли ни братание всех стран и упускающих роль других агентов глобализации, например ТНК, но и более критичными исследователями – Т. А. Алексеевой, М. Г. Делягиным, М. М. Лебедевой, Н. Е. Покровским, А. Н. Чумаковым, А. С. Панариным, написавшим об искушении глобализмом. Серьезное исследование было сделано А. И. Уткиным в книге «Глобализация: процесс и осмысление», в которой он рассмотрел парадигмы нового глобального мира: «Многое из того, что касается глобализации, спорно, кроме, возможно, двух ее характеристик: ее невозможно остановить – даже левые силы сейчас смотрят на глобализацию как нечто, что можно “несколько замедлить и ослабить”, но нельзя “изгнать” из современной жизни; глобализация создает новые, огромные богатства, обогащая человечество. В общем, глобализация потому и неостановима, что она соответствует интересам стран и кругов, непосредственно наблюдающих рост своего богатства и возможностей» [2, с. 34–35].

Глобализация как процесс стала подвергаться осмыслению многими учеными. В энциклопедии глобализма Д. Хелда, А. Макгру и др. «Глобальные трансформации. Экономика, политика, культура» в виде таблицы (табл.) была представлена систематизация точек зрения на глобализацию [3, с. 11].

Три концептуальных подхода к глобализации

	Гиперглобалисты	Скептики	Трансформационалисты
<i>Что нового?</i>	Глобальный век	Торговые блоки, более слабое, чем ранее, правление	Исторически беспрецедентные уровни глобальной взаимосвязанности
<i>Доминирующие черты</i>	Глобальный капитализм, глобальное правительство, глобальное гражданское общество	Мир, менее взаимозависимый, чем в 90-е гг. XIX в.	«Глубокая» (интенсивная и экстенсивная) глобализация
<i>Власть национальных правительств</i>	Снижается или разрушается	Усиливается	Перестраивается
<i>Движущие силы глобализации</i>	Капитализм и технологии	Государства и рынки	Комбинированные силы современности
<i>Модели стратификации</i>	Разрушение старых иерархий	Увеличение маргинализации Юга	Новая структура мирового порядка
<i>Доминирующей мотив</i>	Макдональдс, Мадонна и т. д.	Национальный интерес	Трансформация политического сообщества
<i>Концептуальное осмысление глобализации</i>	Как преобразование схемы человеческого действия	Как интернационализация и регионализация	Как переделывание пространственных отношений и действий на расстоянии
<i>Исторический путь развития</i>	Глобальная цивилизация	Региональные блоки/конфликт цивилизаций	Неопределенно: глобальная интеграция или фрагментация
<i>Итоговый аргумент</i>	Конец национального государства	Интернационализация зависит от государственного согласия и поддержки	Глобализация трансформирует государственную власть и мировую политику

Здесь (табл.) выделялись три точки зрения на глобализацию: 1) активных сторонников глобализации (гиперглобалистов); 2) скептиков, которые не рассматривают результаты глобализации только как позитивные, но вполне верят в ее способности обеспечить развитие интеграционных процессов не только в экономике, но и в культурной интеграции; 3) трансформационалистов, подчеркивающих сущность глобализации как социальной трансформации, но не завершенного и неопределенного в своих ведущих тенденциях процесса.

В 1990-е и начале 2000-х гг. преобладали аргументы и реальность гиперглобализма и в меньшей степени трансформационализма. В 2010-е стало можно говорить о возвращении идей скептиков и сторонников национального государства. Сегодня идеи национального государства, несмотря на наличие глобализации, выходят на передний план.

По мнению немецкого исследователя и политического деятеля У. Бека, современная глобализация формирует процессы, вплетающие национальные суверенные государства в паутину деятельности транснациональных акторов, имеющих свои властные возможности, ориентации и идентичности [4, р. 26].

С точки зрения Ф. Джеймсона, профессора литературы в Университете Дьюка (США), понятие глобализации в XX в. отражает чувство необычайного по масштабам расширения всемирной коммуникации и горизонта мирового рынка, которые являются более ощутимыми, чем на более ранних стадиях современности [5].

Д. Хелд, профессор политологии в Лондонской школе экономики, считает, что глобализация может рассматриваться как процесс (или совокупность процессов), для которого (которых) характерно преобразование пространственной организации социальных отношений и транзакций (различающихся экстенсивностью, интенсивностью, скоростью всех процессов), генерирование трансконтинентальных или межрегиональных потоков, сетей деятельностей, взаимодействия и осуществления власти [3].

Р. Робертсон, профессор социологии в Университете Питтсбурга, понимает глобализацию как сжатие мира и его осознание как единого целого [6].

Т. Фридман, американский теоретизирующий журналист, считает глобализацию не имеющей аналогов интеграцией рынков, национальных государств и технологий и таким способом организации, который позволяет индивидам, корпорациям и национальным государствам «дотягиваться друг до друга» по всему миру быстрее, дальше, глубже и дешевле, чем это было прежде [7].

М. Уотерс, профессор социологии из Австралии, автор книг о глобализации, понимает глобализацию как социальный процесс, который уменьшает территориальную зависимость социальных и культурных институтов, давая людям осознать в большей степени, что территориальные барьеры исчезают [8].

По мнению английского социолога Э. Гидденса, глобализация является интенсификацией социальных отношений, которые связывают отдаленные, прежде не связанные регионы, формируя локальные феномены под влиянием событий, происходящих на очень значительном от них расстоянии [9].

Большинство исследователей называют глобальным надтерриториальный аспект социальных отношений, а глобализацией – неравномерный и незавершившийся процесс распространения капитализма в мире.

Часто глобализация трактуется как победа капитала западных стран над национальными интересами незападных стран, поскольку немногие незападные страны преуспели в глобализации. Но есть примеры исключительно успешного использования глобализации незападными странами в своих национальных интересах. Прежде всего, это Китай, который сориентировал свои производства на глобальный рынок и вырос в мирового экономического гиганта.

Глобализация включает в себя и наднациональные последствия деятельности транснациональных монополий, и надтерриториальный аспект социальных отношений, и экономическую интеграцию, и распространение капитализма, и развитие культурного обмена, и интеграционные процессы в направлении усилившейся взаимозависимости различных стран, и увеличение значимости общечеловеческих факторов и взаимозависимости разных стран и народов. Наряду с процессами глобализации в действительности идут также процессы локализации. Итогом является резкая дифференциация условий существования населения стран, регионов, несмотря на то что свобода передвижения, мобильность становятся фактором новой эпохи. Не все слои населения могут этим, однако, воспользоваться, что приводит к новым основаниям социального неравенства. Мобильность становится стратифицирующим признаком. При этом привязанность к территории – «локальность» – выступает, по мнению британского социолога З. Баумана, знаком «социальной обездоленности и деградации». В связи с этим он показывает, что глобализация вызывает «усиливающееся нарушение связи между всё более глобализованными, экстерриториальными элитами и остальным населением, “локализация” которого постоянно усиливается» [10, с. 11].

Трактовки глобализации приходили даже к выводу, что это – те изменения в мире, которые связывают его рынками, информацией и культурой при ослаблении роли национальных государств и вынесении части их прежних функций, прежде всего экономических, за их пределы.

Глобализация совершается поэтапно. Прежде всего, отмечалась победа рыночной экономики. После распада коммунизма в мире не осталось мест, закрытых для распространения капитала и действий скорее в интересах прибыли, чем в интересах государства. Мировой рынок унифицировал товары и цены на них, требования к качеству. Если раньше национальная буржуазия могла вести бизнес за рубежом лишь с разрешения своих правительств, то при глобализации это не требуется.

Глобализация рассматривалась как ведущий процесс социальной трансформации, в результате которого «национальные государства утрачивают актуальность (в перспективе. – *Н. Ф.*), их суверенность изменяется под влиянием глокализации (сочетания глобальных и локальных процессов), появления гибридных феноменов (например, про китайского бизнесмена говорят, что он представляет собой конфуцианского торговца, т. е. смешивает западную деловую культуру с китайской конфуцианской этикой. – *Н. Ф.*), субсидиарности (децентрализации. – *Н. Ф.*), новых

формул политического единения. Прагматический консенсус былого и будущего – региональные интегрии – перемалывают границы прежних обществ» [11, с. 43]. В связи с этим Э. Гидденс обращается к точке зрения Д. Белла, который полагает, что «масштаб государства становится не только слишком мал для решения крупных проблем, но и слишком велик для решения малых» [9, с. 30].

Метафора «плоский» введена концептуализирующим журналистом Т. Фридманом в его книге «Плоский мир: краткая история XXI века». Речь идет о выравнивании «игровой площадки» для стран – мировых экономических игроков. Сегодня Индия, прежде не значимая экономически, в сравнении с США, осуществляет сложные компьютерные операции (бухгалтерские операции, расшифровку томограмм и выполняет другие виды аутсорсинга для Запада). Т. Фридман пишет: «Мир выровнялся под воздействием десяти ведущих факторов, относящихся к области крупных политических событий, новых технологий, новых компаний» [7, с. 64]. К числу этих факторов автор относит: падение Берлинской стены, разрушившее преграды между капиталистическим и социалистическим миром; «неограниченная миграция передового опыта» (на наш взгляд, не всякого, а технологического опыта); информационная революция; распространение персональных компьютеров; появление операционной системы Windows; Интернет; выход на глобальный рынок передовых компаний; электронная почта; всемирная сеть; дигитализация, Google. «В совокупности они позволили общаться и взаимодействовать большому количеству людей на планете, чем когда бы то ни было» [там же, с. 93].

Глобализация предстает для большинства как объективная реальность нашей эпохи. Это так, но лишь отчасти. Она произведена действиями и политическими решениями государств о формировании свободного рынка, свободной торговли, решениями в области усиления мировой торговли и снятия препятствий на ее пути, дерегуляции рынка труда (что дает возможность ТНК нанимать иностранную рабочую силу), расширением возможностей приватизации государственного имущества, банков, компаний, общей политикой неолиберализма и невмешательства государства в экономику. Американский социолог Дж. Ритцер проводит категориальный анализ, включающий такие понятия, как «империализм» (контроль одной страны над другими в регионе или за его пределами), «колониализм» (создание колониальной власти администрацией в колонизируемой сфере деятельности или регионе), «развитие» (прежде всего, экономическое), «американизация» (распространение американской культуры на другие страны), «антиамериканизм как глобальный процесс» (сопротивление американизации), «неолиберализм» (признание свободного рынка и индивидуальной свободы), «неолиберальное государство» (государство, которое устранилось от влияния в сфере рынка и индивидуального выбора) [12, р. 3–45].

Глобальный капитализм и национальное государство

Глобальная экономика предполагает возрастающую значимость транснациональных корпораций, активизацию мировой торговли и рост значимости международных экономических институтов, таких как МВФ, ВТО, Всемирный банк. Б. Кагарлицкий опроверг миф о стихийном возникновении рыночной экономики, показав, что на самом деле роль государства состоит в осуществлении «принуждения к рынку» [13]. Государства сами, потребовав «больше рынка», уменьшили свою значимость в сравнении с ТНК и международными экономическими институтами.

Американский социолог У. Робинсон определил четыре аспекта, характеризующих глобальный капитализм. Во-первых, он означает рост транснационального капитала и новой системы глобального производства и финансов, в которую включены большинство стран мира. Во-вторых, он отличается ростом транснационального капиталистического класса, который позиционирует себя как глобальный правящий класс. В-третьих, происходит увеличение аппарата транснационального государства, т. е. транснациональных организаций, работающих совместно с национальными государствами, посредством которых транснациональный класс поддерживает свое доминирование. В-четвертых, возникают новые отношения доминирования и неравенства, включая транснациональные виды неравенства [14, р. 2].

ТНК как экономический агент может превосходить национальные экономики. Для характеристики экономической мощи ТНК, можно сравнить, годовые доходы ТНК и ВВП ряда стран. По обобщенным автором настоящей статьи, самым последним из доступных, данным проранжированы ряд ТНК (на основании их доходов) и ВВП стран, в млрд долларов за 2015 год, где страны выделены жирным: **Швеция** (492), Walmart (486), **Нигерия** (481), **Польша** (475), **Бельгия** (454), ТНК Exxon Mobil (269), **Пакистан** (269), ТНК Royal Dutch Shell (265), **Чили** (240), **Ирландия** (238), ТНК Apple (234), **Финляндия** (229), **Португалия** (199), **Катар** (167), ТНК Samsung Electronics (163), **Кувейт** (113), ТНК Amazon (107), **Пуэрто-Рико** (103), **Марокко** (100), ТНК Газпром (99), ТНК Microsoft (94), ТНК Nestle (93), **Украина** (91), **Словакия** (87), ТНК Лукойл (85), **Судан** (84), ТНК Роснефть (65), **Гватемала** (64), ТНК Uber (63), **Кения** (63), **Эфиопия** (62), ТНК Vodafone (60), **Люксембург** (58), ТНК Сбербанк (46), **Туркменистан** (37), **Сербия** (37), **Йемен** (36), Goldman Sachs (34), **Латвия** (27), **Уганда** (26), McDonalds (25), **Эстония** (23), **Кипр** (19), **Афганистан** (19), **Камбоджа** (18), ТНК Facebook (18), **Грузия** (14), **Зимбабве** (14), **Никарагуа** (13), **Монголия** (12), ТНК Alibaba (12), **Намибия** (12), **Мавритания** (12), **Албания** (12), **Македония** (10), ТНК Twitter (2), **Лесото** (2), **Либерия** (2) [15–17].

Данное сопоставление характеризует глобальное поле, на котором наряду с национальными государствами, значительными игроками яв-

ляются ТНК, причем глобальную власть последних, вытекающую из их экономической мощи, превышающую часто экономическую мощь государств, трудно переоценить. Между 1995 и 2010 гг. число ТНК выросло более, чем в 2,5 раза. ТНК способствуют мировой торговле и росту капитала, инвестируют и проводят исследования и научные разработки. «Около 80 % мировой торговли происходит с участием ТНК, в то время как примерно ее треть происходит внутри самих ТНК (торговля между частями ТНК), из которой более половины – это ...материалы, детали, компоненты» [18, p. 65].

У. Бек подчеркивает наличие следующих причин могущества транснациональных компаний: предприятия могут экспортировать рабочие места в те страны, где рабочая сила стоит дешевле, и налоги самые низкие; организовывать производство и оказывать услуги в разных местах мира; при этом национальную принадлежность ТНК трудно определить. Практикуются глобальные «закулисные торги» в поисках мест с самыми низкими налогами и самой благоприятной инфраструктурой; ТНК могут «наказывать» национальные государства, если посчитают их слишком «дорогими» или «враждебно относящимися к инвестициям». В итоге они могут в «произведенных и контролируемых ими дебрях глобального производства *самостоятельно определять место для инвестиций, для производства, для уплаты налогов и для жительства* и противопоставлять их друг другу» [4, с. 13–14].

Эти обстоятельства заставляет некоторых исследователей говорить о «веке метанациональных корпораций», т. е. о том, что многие ТНК, начиная с 2000-х гг., уже не связаны с национальными государствами и не гордятся своими «национальными корнями». В XX в. отношения стран и ТНК были иными, чем в XXI в. Как показал американский исследователь Р. Ханна, в 1950-е гг. президент «Дженерал Моторс» сказал знаменитую фразу: «Что хорошо для нашей страны, хорошо для Дженерал Моторс, и наоборот». Он отмечал, что Б. Обама назвал такие компании, как IBM, Microsoft «корпоративными дезертирами», поскольку они хранят триллионы долларов в оффшорах, не платя с них налогов, а доходы, полученные с неамериканского рынка, размещают в холдинговых компаниях Швейцарии, Люксембурга, на Каймановых островах. Сегодня «умные метанациональные компании часто имеют юридический адрес в одной стране, корпоративное управление в другой, финансовые активы в третьей и административный персонал еще в нескольких других» [19].

Глобализация долгое время понималась как победа капитала над национальными интересами стран. Но ряд западных стран смогли успешно использовать глобализацию в своих национальных интересах, обеспечивая себе экономический рост, успешно включившись в нее и выстроив свою экономику для глобального рынка [20, с. 536–555]. Китай сумел воспользоваться возможностями для глобальной торговли, приняв глобализацию именно как способ модернизации. Малые социальные обязательства и несформировавшееся социальное государство

Китай обеспечили быстрое включение в глобальный капитализм и высокий экономический рост. Как отмечает китайский исследователь Я. Янь, «к концу 1990-х годов и большинство простых китайцев, и элита страны пришли к той мысли, что глобализация представляет собой неизбежный этап процесса модернизации Китая, а кроме того, дает шанс догнать развитые страны. Чтобы воспользоваться этим шансом, китайское государство попыталось усилить свою роль в деле формирования национального согласия и расширения участия Китая в процессе глобализации, в деле контроля за ходом экономической интеграции и взвешивания всех “за” и “против” культурной глобализации – сложную роль, которая во многих отношениях похожа на роль управляющего компанией» [21, с. 28]. В масштабном научном проекте «Многоликая глобализация», завершившемся публикацией в 2002 г. книги о разных вариантах «ответов» стран на вызовы глобализации, китайская глобализация была названа «управляемой», демонстрируя значимость национальных интересов и роли национального государства в процессах глобализации.

Специфика США в условиях глобализации описывалась в рамках этого проекта как «Мир американских глобализаторов», т. е. глобализация видится во многом как исходящая из американского центра, а соответственно, выгодная для США: «...Мы по-прежнему являемся свидетелями того, что в нынешней действительности Америка в конце концов играет самую могущественную, если не сказать главенствующую, роль в процессах глобализации» [22, с. 343]. Более того, «...авангард глобализации приходит к выводу, что мир благодаря глобализации будет становиться всё более электронным, индивидуалистическим, управляемым свободным рынком и демократическим... в настоящее время мир скорее всего всё более будет уподобляться Соединенным Штатам (или Западу)» [там же, с. 374]. Такого же мнения придерживается американский исследователь Д. Каллео: «Развал СССР радикально обесценил привлекательность советской марксистской модели и уменьшил притягательность социалистической и коммунистической моделей в целом. После падения марксизма капитализм стал по умолчанию рассматриваться как победитель. Его победа сделала США триумфатором в наибольшей степени потому, что американские лидеры привыкли представлять свою страну как носителя глобального капитализма» [23, р. 68].

США чувствовали себя триумфатором глобального капитализма, хотя уже в 1990-х гг. немецкий социолог У. Бек в работе «Что такое глобализация?», вышедшей на немецком языке в 1997 г. и переведенной на русский в 2001 г., показал, что даже в США «рост экономики обогатил только десять процентов населения. Эти десять процентов получили девяносто шесть процентов дополнительных доходов» [4, с. 17].

В отличие от США многие социальные государства Европы оказались в еще более худшем положении, вызванном новой эпохой. Бек, показывает, что немцы испытали шок от глобализации, поскольку социальная политика в эпоху глобального капитализма увела развитие экономики

из-под национально-государственного контроля, а социальные последствия этого процесса – безработица, миграция, нищета – усилились в системе социального национального государства [там же, с. 31–32].

Авторитет национального государства, напоминает Бек, базируется на взимании налогов. ТНК «могут производить продукцию в одной стране, платить налоги в другой, а требовать государственных субсидий в форме мероприятий по созданию инфраструктуры – в третьей» [там же, с. 15], что подрывает авторитет и суверенитет государства. При этом именно самые богатые разрушают благосостояние общества, возможностями которого пользуются: «в то время как транснациональные корпорации в состоянии уклоняться от налогообложения в рамках национального государства, малым и средним предприятиям, создающим большую часть рабочих мест, приходится истекать кровью под прессом перестроившейся налоговой бюрократии. Словно в насмешку, история распорядилась таким образом, что именно те, кто оказывается *в проигрыше* от глобализации, в дальнейшем должны будут оплачивать всё, социальное государство и функционирующую демократию, в то время как оказавшиеся в выигрыше получают сказочные прибыли и уклоняются от ответственности за грядущие судьбы демократии» [там же, с. 18].

Бек конкретизирует эту ситуацию с помощью яркого примера, описывающего действия глобальных элит: «Менеджеры мультинациональных концернов переводят свои правления в Южную Индию, а своих детей посылают учиться в лучшие европейские университеты, финансируемые национальными государствами. Им и в голову не приходит перебраться жить туда, где они создают рабочие места и платят низкие налоги. Сами они, как чем-то само собой разумеющимся, пользуются дорогостоящими основными политическими, социальными и гражданскими правами, общественное финансирование которых ими же и торпедируется. Они ходят в театры. Наслаждаются природой и ландшафтами, уход за которыми требует больших денег. Околачиваются в еще относительно свободных от насилия и криминала метрополиях Европы. Но своей ориентированной на прибыль политикой они вносят существенный вклад в разрушение этих европейских форм жизни» [там же, с. 18–19].

Таким образом, печальный вывод, к которому приходит Бек, состоит в том, что национальное единство стран, обеспеченное становлением национального государства и его трансформацией в 1960-х гг. в социальное государство, утеряно. Поэтому, «те, кто выигрывает от глобализации, и те, кто от нее проигрывает, оказываются... сидящими за разными столами. Новые богатые больше не нуждаются в новых бедных. Добиться какого-то равновесия между ними трудно хотя бы уже потому, что отсутствуют рамки общности, в которых можно было бы локализовать и урегулировать этот выходящий за границы национального государства конфликт» [там же, с. 19–20].

Решение, которое предлагает Бек, выходит за пределы национальных государств, так как он не видит более наличия у них инструментов влияния на глобальные экономические процессы. При этом речь не идет о каком-либо транснациональном органе, который помогал бы государствам «затыкать налоговые лазейки». Бек выдвигает совершенно необычную идею транснационального государства, которое не является национальным, а значит, и не будет территориально ограниченным. Тем самым отвергается «контейнерная» теория государства и общества, т. е. представление о государстве как о главном «контейнере» социокультурной, экономической и политической жизни. Это транснациональное государство «хотя и отрицает *национальное* государство, но утверждает *государство* (как понятие)... которое а) (при)знает глобальность в ее многомерности как необратимое базовое положение дел и б) делает определение и организацию транснационального ключом для нового определения и возрождения политического (не только в аспекте государства, но также и в аспекте гражданского общества)» [там же, с. 191]. Но это – утопия.

С тех пор, как Бек выдвинул это предложение, которое является скорее политической фантазией, прошло уже почти 20 лет. Идеи транснациональных организаций, регулирующих перераспределение глобальных налогов, так и не получили широкого распространения, равно как и экзотические идеи транснационального государства. Призывы и даже попытки ввести налог Тобина на финансовые трансакции в мировом масштабе также не увенчались успехом. Глобальный капитализм столкнулся со спровоцированными им самим вызовами в виде кризисов 1998 и 2008 гг. Даже в США, в последние несколько лет глобальный капитализм имеет значительные негативные последствия. В отличие от начала XXI в., когда «всё, казалось, идет по-американски» из-за того, что рост экономической мощи Японии замедлился, СССР распался, а весь мир принял американский капитализм вместе с глобализацией, в последние несколько лет нарастают кризисные явления. По мнению Дж.-П. Лемана, «...кризис 2008 г. способствовал потере мягкой мощи американского капитализма и финансов, повлекшей утрату их легитимности. В области внутренней политики – феномен Трампа, рост социального неравенства внутри США, уменьшение доли среднего класса, не работающие каналы вертикальной социальной мобильности. Это был путь, на котором США потеряли имидж “земли обетованной”» [24]. Глобальный капитализм порождает кризисы, среди которых кризис легитимности и политического авторитета национального государства, вызванный его неспособностью решить проблемы локальной рабочей силы, безработицей и уменьшением безопасности [14, р. 2]. После начала кризиса 2008 г. многие исследователи были убеждены, что выход из кризиса потребует возвращения государства в экономику, своего рода кейнсианской политики. Однако тогда этого не произошло.

В результате исследователи начали высказывать иные предположения о том, кто мог бы бросить вызов сейчас имеющему власть глобальному капиталистическому блоку. В качестве вариантов были предложены:

- государства с новой пост-неолиберальной идеологией, вводящей элементы регулирования;
- находящееся сейчас в подчиненном глобальным экономическим элитам положении транснациональное гражданское общество или отдельные национальные государства, захваченные антикапиталистическими идеями;
- имеющие силу группы или страны, которые менее всего интегрированы в глобальный капитализм или даже противостоят ему, – иракская партия БААС до вторжения США в Ирак в 2003 г.;
- сектора российской олигархии;
- некоторые китайские экономические и политические элиты [14, р. 219].

В последние несколько лет темпы глобальной экономики уменьшились, экспорт упал, Британия выходит из ЕС. Стали говорить о замедлении или иногда даже о конце эпохи глобализации, которая длилась примерно с 1980-х по 2008-й г.

Заявку на новое видение отношений государства, общества и капитализма высказывал во время избирательной компании Д. Трамп. Он продолжает обрисовывать его противоречивые контуры и сегодня, после своего избрания Президентом. Можно предположить, что речь пойдет о *новом социальном контракте*, направленном частично против неолиберализма, поскольку он призывает вернуть ТНК домой под местное налогообложение, сделав это налогообложение сниженным, с помощью чего создать новые рабочие места, реализовать значительные общенациональные инфраструктурные проекты, перейти к новому сочетанию свободного рынка с политикой протекционизма. Пока не понятно, какова реально будет экономическая политика Трампа и приведет ли она к успеху. Однако видна попытка показать значимость национального государства в решении вопросов национальной экономики на ином, глобальном этапе развития капитализма, не опираясь на помощь в этом какого-либо транснационального органа и, вместе с тем, не уходя полностью в кейнсианство. Возможно, речь может идти о становлении неокейнсианства. Возможно, мы находимся на поворотном моменте развития капитализма и становлении его принципиально иных отношений с государством и обществом.

Спектр реакций национальных государств на глобальный капитализм включает:

- ощущение бессилия национального государства перед глобальными потоками и упование на необходимость создания новых транснациональных структур вплоть до призыва формировать новые социальные пространства «транснационального государства» (например, в Германии), как это было предложено У. Беком;
- радость от включенности в потоки, воспринимаемые как дающие дополнительные возможности технологической и экономической модернизации и экономического роста (например, в Китае);

– ощущение триумфа от того, что капитализм приобретает глобальный характер и «всё идет по-американски», и впоследствии готовность пересмотреть и изменить отношения государства, общества и капитализма по мере того, как экономическая ситуация перестает удовлетворять потребностям общества (например, в США);

– слабая включенность или включенность на невыгодных условиях в глобальные процессы стран глобальной периферии и др.

Россия, к сожалению, включилась в глобальный капитализм, с одной стороны, не будучи к нему готовой, и, с другой стороны, как в игру по чужим правилам, что исходно поставило ее экономику в невыигрышное положение, при котором ее модус развития реактивен, а не активен. Активным мы назовем умение выработать новое собственное видение ситуации, способное ответить на вызовы, вместе с тем такое видение, которое привлекло бы другие страны, так как было бы и для них выгодно, создавая партнерские коалиции разных стран. Целью таких союзов стало бы продвижение альтернативного доминирующему подходу видения и действия. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны: БРИКС, ШОС, ЕврАзЭС, участие России в регулировании нефтяных цен совместно с ОПЕК.

Скептическая перспектива в отношении глобализации, признающая релевантность государства как движущей силы современного мира, сегодня получает новое звучание в отличие от кажущейся уходящей в прошлое гиперглобалистской перспективы. Брексит, политика экономических санкций и региональных экономических союзов и блоков говорит о том, что национальные государства имеют определенные механизмы влияния на экономику. Национальным государствам сегодня следует помнить о том, что глобальная экономика стала возможной только в результате определенных политических решений по усилению мировой торговли и снятию препятствий и барьеров на ее пути, открытия возможностей для зарубежного инвестирования ТНК, дерегуляции финансовых рынков, рынков труда и пр. Поэтому государства и сегодня могут принимать и продвигать на международном уровне такие экономические решения, которые соответствуют их национальным интересам и интересам населяющих их народов.

Литература

1. *Frieden J.* Global Capitalism. Its Fall and Rise in the Twentieth Century / J. Frieden. – N.Y., L. : W.W. Norton & Company, 2006. – 556 p.
2. *Уткин А. И.* Глобализация : процесс и осмысление / А. И. Уткин. – М. : Логос, 2001. – 254 с.
3. *Хелд Д.* и др. Глобальные трансформации : политика, экономика, культура / Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон. – М. : Праксис, 2004. – 576 с.
4. *Бек У.* Что такое глобализация? / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.

5. *Jameson F.* The Cultures of Globalization / F. Jameson, M. Miyoshi. – Duke : Duke University Press, 1998. – 393 p.

6. *Roberston R.* Globalization : social theory and global culture / R. Robertson. – L., Newbury Park, New Delhi : SAGE Publications, 1992. – 211 p.

7. *Фридман Т.* Плоский мир : краткая история XXI века / Т. Фридман. – М. : АСТ, 2006. – 608 с.

8. *Waters M.* Globalization / M. Waters. – L., N.Y. : Routledge, 2001. – 247 p.

9. *Гидденс Э.* Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М. : Весь Мир, 2004. – 120 с.

10. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. – М. : Весь Мир, 2004. – 188 с.

11. *Неклесса А. И.* Северная Ромея. Рассуждения о русской идентичности / А. И. Неклесса // Русская идентичность. Дорога жизни / под ред. Д. Андреева и А. Неклессы. – М. : ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия, 2012. – С. 42–99.

12. *Ritzer G.* Globalization. The Essentials / G. Ritzer. – Chichester : Wiley-Blackwell, 2010. – 356 p.

13. *Кагарлицкий Б. Ю.* От империй – к империализму : государство и возникновение буржуазной цивилизации / Б. Ю. Кагарлицкий. – М. : URSS, 2010. – 680 с.

14. *Robinson W. I.* Global Capitalism and the Crisis of Humanity / W. I. Robinson. – N.Y. : Cambridge University Press, 2014. – 238 p.

15. Данные по странам приводятся по данным Всемирного банка о ВВП за 2015 год. – Режим доступа: <http://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf>

16. Данные по корпорациям приводятся по: *Khanna P.* These 25 Companies Are More Powerful Than Many Countries. – Режим доступа: <http://foreignpolicy.com/2016/03/15/these-25-companies-are-more-powerful-than-many-countries-multinational-corporate-wealth-power/>

17. Данные по Сбербанку, Роснефти, Газпрому и Лукойлу приводятся по списку журнала Fortune за 2015 год. – Режим доступа: <http://beta.fortune.com/global500/list>

18. *Jaworek M.* Transnational Corporations in the World Economy : Formation, Development and Present Position / M. Jaworek, M. Kuzel // Copernican Journal of Finance & Accounting. – 2015. – № 4(1). – P. 55–70.

19. *Khanna P.* These 25 Companies Are More Powerful Than Many Countries. – Режим доступа: <http://foreignpolicy.com/2016/03/15/these-25-companies-are-more-powerful-than-many-countries-multinational-corporate-wealth-power/>

20. *Федотова В. Г.* Глобальный капитализм : три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества / В. Г. Федотова, В. А. Колпаков, Н. Н. Федотова. – М. : Культурная революция, 2008. – 608 с.

21. *Янь Я.* Управляемая глобализация. Государственная власть и изменения в культуре Китая / Я. Янь // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. – М. : Аспект Пресс, 2004. – С. 27–56.

22. *Хантер Д. Д.* Мир американских глобализаторов / Д. Д. Хантер, Дж. Йейтс // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в совре-

менном мире / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. – М. : Аспект Пресс, 2004. – С. 341–375.

23. *Calleo D. P. Follies of Power : America's Unipolar Fantasy / D. P. Calleo.* – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 188 p.

24. *Lehmann J.-P. Collapse of US Soft Power – Global Impacts / J. P. Lehman* // *Forbes*. – 2016. – 28 April. – Mode of access: <http://www.forbes.com/sites/jplehmann/2016/04/28/the-collapse-of-us-soft-power-global-impacts/#4934766b47e5>

Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел России

Федотова Н. Н., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии

E-mail: nnfedotova@rambler.ru

Тел.: 8 (495) 434-94-26

Moscow State Institute of International Relations of the Foreign Affairs Ministry of Russia

Fedotova N. N., Doctor of Sociology, Professor of the Sociology Department

E-mail: nnfedotova@rambler.ru

Tel.: 8 (495) 434-94-26